

Л. М. Меликсет-Бек

Из истории русско-армянских отношений

История русско-армянских отношений представляет собою широкое поле для научных (как археографических, так и историографических, равно как археолого-эпиграфических) изысканий, исследований и обобщений.

Поскольку, однако, охватить весь комплекс вопросов по истории русско-армянских (армяно-русских) отношений в одном сообщении невозможно, мы сочли целесообразным ограничить его рамками древней Руси, т. е. до возвышения Москвы,—рамками, совпадающими синхронистически с рамками армянских мелких царств и княжеств эпохи феодальной раздробленности, иными словами, коснуться лишь истоков русско-армянских (армяно-русских) отношений, или, как обычно говорят, исторических корней дружбы русского и армянского народов.

* * *

Археологические раскопки и изыскания последних лет, как известно, привели к тому, что теперь совершенно по-новому стали освещаться вопросы этногенеза славянских племен и, в частности, русского народа, возникновения классового расслоения среди этих племен и, в результате этого, складывания феодальных отношений (разумеется, минуя рабовладельческую формацию) и образования древнерусского раннефеодального государства.

«В результате исследований трипольских поселений,—выражаясь словами Т. С. Пассек,— по-новому освещается история Днепровско-Днепровского бассейна, где позднее оформляются славянские племенные объединения, положившие начало Киевской Руси».

Обнаружение экспедицией В. В. Седова в 1951 г. в Перыни близ Новгорода «святынища Перуна (IX—X вв.)», а экспедициями А. В. Арциховского 1951—1952 гг. в Неревском конце того же Новгорода множества древнерусских берестяных грамот, датируемых XI—XIV вв., способно приоткрыть новые страницы в истории древнерусской письменности, отнюдь не являвшейся, как теперь выясняется, монополией лишь высших слоев населения, в частности касты книжников-церковников.

Классические работы по истории древней Руси академиков Грекова и Тихомирова, профессоров Третьякова, Рыбакова, Арциховского, Лихачева, Пассек, Блаватского, Каргера и многих других не заставляют сомневаться в блестящих результатах, которые сулят дальнейшие археологические раскопки на территории Новгорода великого, «матери градов русских»—Киева, Херсонеса Таврического (Корсуни русских летописей), вообще Тавро-Скифий и других мест.

Письменные (книжные) источники: с одной стороны, славяно-русские, сохранившие нам сведения об Армении и армянах, и с другой — древнеармянские и средневековые армянские же, сохранившие сведения о древней Руси и русских, равно как и арабские источники IX—X вв., конечно, — различного происхождения и той или иной степени достоверности. Наряду с письменными (книжными) источниками определенную ценность представляют археологические реалии, как то: памятники армянской эпиграфики на Руси, остатки фресковой живописи на Руси и в Армении и т. п., которые порой оживают в сопутствии изустных преданий, зачастую играющих решающую роль в деле паспортизации соответствующих памятников.

При этом необходимо иметь в виду, что сведения об Армении и армянах проникали в славяно-русскую среду по двум основным руслам: первое — из греко-византийского мира путем калькирования или переработки библейских генеалогических схем, византийских хронографов, вроде Георгия Амартолы, и всякого рода памфлетной литературы, вышедшей из-под пера фанатиков-греков, служителей церкви; второе — это изустные предания, складывавшиеся на базе непосредственного общения или взаимных встреч русских с армянами, в результате тех или иных походов на Кавказ, иммиграций армян на Русь, где армяне обрели вторую родину.

В связи с этим уместно вспомнить заявление И. А. Орбели (от 1916 г.), что «для установления даты появления армян в Галиции и на юге России необходимо, прежде всего, с возможной полнотой использовать те скудные данные об армянах, которые находим в русских литературных памятниках».

Изустные же предания, воспринятые и усвоенные армянами из уст русских, порой ложились в основу армянских источников о древней Руси и русских, которые (русские) фигурируют в них под видом «рузк» или «ырузк», то же для обозначения страны — «Рузк», позднее «Рустан», подчас и «Рустк», откуда род. п. «Рустац». Кстати, последняя форма налицо лишь в мемуарах Иосифа Аргутинского-Долгорукова (вторая половина XVIII в.), очевидно, не без влияния соответствующей церковной эктении (русск.), содержащей упоминание «великой державы Российстей».

Но Русь также — «Северная страна» в понимании армянских источников XVIII в., между тем как «Северная страна» в таковых же источниках XII—XIII вв. — это лишь «Северная Армения», в частности Лори — Ташир, а еще раньше — примерно в V—VII вв., когда жил М. Хоренский, под «Северной страной» подразумевалась центральная Армения.

Материал в нашем сообщении сведен к двум разделам: в первом собраны сведения о русско-армянских отношениях по литературным и иным источникам с древнейших времен до XV в., а во втором представлены данные по истории возникновения армянских колоний в России по материалам армянской эпиграфики и очеркам различных путешественников с XIII в.

* * *

К антскому периоду истории древней Руси, совпадающему с нахарарским периодом истории феодальной Армении, когда в русскую речь проникли наименования Грузии и грузин, в форме «Гурзоустан», «Гурзи» в сирийской передаче, перекликающейся с «Гурзан» сирийской хроники V—VI вв. Захарии Митиленского, несомненно, относится усвоение на Руси наименований Армении и армян в форме «Армения» и «армене» — «ормены», позднее «армении» («армены») и «армянин» (армяне), последнее, очевидно, по аналогии с формами «древлянин» (древляне), «славянин» (славяне), «киевлянин» (киевляне) и пр.

При этом характерно, что в некоторых списках древнейшей русской летописи «Повести временных лет», как, например, в т. н. Типографском, в изложении легенды о призвании варягов норманны превращены в «армене», что абсолютно недопустимо по контексту легенды.

К этому же периоду относится сказ об основании города Куара тремя братьями: Куаром, Мелте и Хоряном, включенный в «Историю Тарона» армянского историка Иоанна Мамиконяна (ранее приписывавшуюся Зенобу Глаку), датируемую VII веком.

Двойником этого сказа является легенда об основании города Киева (Кыя, Куаба) тремя братьями, включенная в «Повесть временных лет», согласно которой «единому имя Кий, а другому Щёк, и третьему Хорив, и сестра их Лыбедь».

В армянском сказе «часть, представляющаяся параллелью к русской книжной легенде, ее явно генетическим двойником, поражает совпадением не только отдельных конструктивных деталей, числа и имен героев, их деяний, но и описанием природы».

По русскому источнику — «На горе... бяще около града (Кы) лес и бор велик, и бяху ловяще зверь».

По армянскому источнику — «На горе Каркэ... нашли место, просторное для охоты, с колыханием травы, и изобильное деревьями».

Оба сказа, и русский и армянский, помимо упоминания в них строительства городов и деяний трех братьев, имеют точки соприкосновения, особенно в указании роли той племенной среды, в которой прадостроителям приходилось подвизаться. Это — «поляне» по русскому источнику и «палунны», или «палунцы», по армянскому, в чью страну проникает своим строительством Хори или Хореан; причем это племя упоминается и в Сардуровой клинообразной надписи VIII в., открытой И. А. Орбели в результате раскопок ниши на Ванской скале в 1916 г., притом в соответствующей (урартской) форме Pul-ua (> Pol-ua).

Кроме того, армянскому сказу, зафиксированному в версии до VII в. н. э. историком Тарона, сопутствует часть археологических реалий, в частности наличие в районе деятельности трех братьев армянского монастыря во имя св. Карапета (Карпа), куда на протяжении веков доступ женщинам был воспрещен, очевидно в связи с тем, что таковой монастырь возник на месте культа женского божества, что также перекликается

ся с упоминанием сестры трех братьев—Лыбеди в русской легенде (по-армянски лебедь—«карап»).

Тем не менее некоторые исследователи, в частности историки России, считают, что сказ о построении города Куара тремя братьями—не армянского происхождения, а является отзвуком древнерусской легенды, включенной в «Повесть временных лет», об основании города Киева (Кыя—Куаба) тремя братьями.

Так, касаясь вопроса о путях проникновения русской легенды в произведение армянского историка VII в., Д. С. Лихачев пишет: «Рассказать эту легенду в Армении могли те славянские дружины, которые в VII в. совместно с хазарами воевали в Закавказье. Могли эти легенды перейти и через славянские поселения, с древних времен державшиеся на Северном Кавказе в районе Тамани».

Относительно же реалий русской легенды тот же Д. С. Лихачев замечает: «Раскопки последнего времени ясно доказали, что на указанных в этом предании трех киевских урочищах—Владимировой горе у Боричева взвоза, на Шековице и на Хоривице—находились древнейшие Киевские поселения. Возможно, что первоначально Кий, Шек и Хорив не считались братьями—каждый из них почитался самостоятельно в каждом из трех указанных поселений. Братство их явилось в легенде как бы закреплением союза и постепенным объединением этих трех поселений».

Описание хазарского пира в окрестностях столицы Албании Партава (Барда—Бердаа) после разгрома Тбилиси в начале VII в., имеющееся в «Истории Албании» армянского историка VII в. Моисея Каланкатуйского, обращает на себя внимание присутствием в нем, в этом описании, русского слова «сало», вошедшего в древнеармянскую лексику в форме «салой»—«саг ой».

В течение первой половины X века насельники Киевской Руси дважды совершили поход на помянутую албанскую столицу Партава по маршруту Днепр (вниз по течению)—Черное море—обход Крымского полуострова—Керченский пролив—Азовское море—Дон (вверх по течению), затем—Волга (вниз по течению)—Каспийское море—Кура (вверх по течению), до Партава. Первый поход имел место, согласно арабским географам-историкам X в. (Ал-Масуди, Якут, Ибн-ал-Атир и др.), в 913 г.; второй же поход, согласно армянскому историку X в. Моисею Дасхуранскому и арабскому историку Ибн-Мускавею, имел место в 944 г.

Вопреки уверению названных автором, что целью походов рузов было ограбление албанской столицы, по нашему мнению, более реально положение, что это были мероприятия военно-политического характера, направленные на изгнание интервентов арабов из Ю. Кавказа в момент, когда здесь оформлялись феодальные княжества—царства. При этом характерно, что вслед за первым походом, в 914 г., имела место как бы контрмера со стороны арабов—казнь в Двине армянского царя Сумбата I Багратида, прозванного Исповедником (Хостованох). Второй поход тех же рузов на ту же албанскую столицу как-то совпадает с агрессивными действиями Византии против Армении, в частности против карс-

ского царя Абаса I (который, кстати заметим, в ту пору сооружал храм св. апостолов в Карсе, законченный постройкой в 944 г.).

Важное событие в истории Руси—крещение Руси, имевшее место в 988 г., отмечено в армянской историографии историком X—XI вв. Стефаном Таронским Асохиком. По словам последнего, «рузы уверовали во Христа» в то время, когда великий князь Владимир Ярославович (которого он именует царем) выдал свою сестру Анну замуж за византийского императора Василия II Македонянина (976—1025 гг.).

В последующие, после крещения и распространения письменности на Руси, годы в русскую историографию проникают отзвуки библейской генеалогии о Ное и трех его сыновьях (Сим, Хам, Яфет), из коих последнему, по словам «Повести временных лет», достались «полунощные страны и западные», и в числе их «Альвания», «Армения Малая и Великая» и «Колхис». Значит, русский летописец разумеет Армению той поры, когда она делилась на Великую, подпавшую под власть последовательно Персии и Арабского Халифата, и на Малую, которая была инкорпорирована Византией.

Русский летописец в курсе также бывших событий в Армении после принятия ею христианства, когда туда были назначены епископы: «В армянских весех и граде поставища епископи и разделены...и по иным странах Армянских», читаем в одном из списков (Авраамовом) летописного сборника, который далее отмечает, как эти епископы были поставлены под власть греческих патриархов: одни—иерусалимского, другие—антиохийского и третьи—византийского (т. е. константинопольского или вселенского).

При этом летописец не забывает отметить, как «в четвертом Халкедонском соборе отступили Армени».

К этому приблизительно времени относится проникновение из греко-византийского мира в русские церковные круги памфлетной литературы в связи с причислением армян к т. н. «ханзыри», т. е. исповедывающим тезис Петра Фуллона или Кнафея (Вяляльщика) о «распятом боге», по-армянски «хачецар», упоминаемый только лишь в армянской редакции так называемой «трисвятой» песни.

Наличие армянской колонии в Киеве на рубеже XI и XII вв. отмечено в княжение Всеволода Ярославича (1077, 1078—1093 годы) и, особенно, Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125 гг.) Киево-Печерским Патериком, конкретно—агиографическим произведением, известным под заглавием «Житие преподобнаго отца нашего Агапита, врача безмезднаго, иже исцеляще молитвою недужных, подая там зелье от своего брашна и Арменина врача спасе». Среди членов колонии выдавался некий врач, располагавший лекарственными травами из Александрии и который не только лечил «своих» единоверцев, но и приглашен был с той же целью к Владимиру Мономаху.

Любопытно, что армяне, вместе с осетинами, кипчаками, варягами, ширванцами и персами, входили в состав ополчения грузинского царя Давида Строителя, про которого грузинский историк XII в., т. е. аноним-

ный автор «Истории царя царей Давида», пишет: «Под сенью его (Давида) собрались цари и государи Овсети и Кипчакии, Армении и варангов (в тексте: франков!), Ширвана и Персии, согласно видению Навуходносора». Тут мы предлагаем чтение «варангов», т. е. «варягов», вм. «франков», согласно конъектуре, предложенной по другому поводу С. Т. Еремянном, с которой согласен и акад. Я. А. Манандян, поскольку упоминание «франков» в данном контексте совершенно неуместно; разумеется, по аналогии с тем, как арм. «пиц'ак», с вариациями «пиц'анк»// «пец'е-нек» армянских же источников, соответствуют понятию «печенег».

С. Т. Еремян приводит «памятную запись» (ишатакаран) из одного армянского рукописного Евангелия (Четверोगлава), переписанного в Александрии в 1099 г., которое затем в 1193 г. было куплено в стране Кпчак, где, очевидно, имела армянская колония.

Память же пребывания кипчаков в Армении нельзя не усмотреть в названии одного из сел на западном склоне Арагаца—«Хпчах» близлежащего монастыря Хпчаханк, декоровка барабана купола которого (от 1206 г.) рипидами напоминают собою комплекс рипид на перекрытии Успенского собора (1073—1089) Киево-Печерской лавры.

Известный армянский деятель второй половины XII в. Григорий сын Тутея (Григор Тутеорди), идеолог ахпато-санаинской научно-литературной школы, в своем письме к армянскому католику, резидировавшему в Киликии (в гор. Сисе), Григорию Апирату, отмечает, что в целях защиты армян от агрессии греко-византийской церкви он вынужден обратиться, в числе прочих, «к великославной русской церкви», прося «приличествующего от нее», очевидно, вмешательства на стороне армян.

Русская же церковь, исходя из традиций времеч т. н. «вселенского согласия» в церковной жизни вообще, сохранила почитание Григория Парфянского, просветителя Армении, и иже с ним 37 дев (Рипсимии, Гаяне и пр.).

Недаром в русских Четьи-Минеях за сентябрь месяц под 30 числом (по ст. стилю) мы находим славяно-русскую версию соответствующего агиографо-мартирологического памятника, восходящую, несомненно, к греческой редакции. Это—«Житие и страдание святого священно-мученика Григория, епископа Армении великия, и с ним тридесяти и седми девиц». И недаром в древней Руси были храмы, посвященные св. Григорию, в частности один из приделов б. Покровского собора (ц. Василия Блаженного) на Красной площади в Москве.

В Новгородской летописи под 1525 годом читаем: «В лето 7033, июня в 15 день, священ быст храм в монастыре на Хутыни под колоколню святого Григория Великия Армении». И далее: «Того же лета, августа в 6 день, совершена быст церковь каменна святого Григория Арменския, колоколница и часы в одном месте, у Спаса на Хутыни, а свясал ио владыка Макарий».

Общеизвестный факт, что Новгородская Нередица (церковь Спаса Нередицы) сохраняла, до варварского разрушения ее фашистами, между прочим, фресковое изображение не только св. Григория, но и св. Рип-

симии, в данном случае, очевидно, не в подражание Константинопольской св. Софии, где налицо изображение одного только Григория в греко-византийском святительском облачении, а скорее всего—аналогичным памятникам Грузии и Армении (Бетания, Атени, Самтависи, Давид-Гареджа, Ахтала, церковь Тиграна и Оненца в Ани и др.).

Кстати не лишены интереса высказывания искусствоведов, усматривающих в каменной резьбе, в частности в резьбе карнизов, Дмитриевского собора во Владимире влияние армянских (и грузинских) мастеров, в частности резчиков Ахтамара, с каковыми высказываниями соглашается, между прочим, и акад. В. Д. Греков, который говорит: «Влияние грузино-армянского искусства отразилось в строительстве в Ростово-Суздальской Руси (Дмитриевский собор во Владимире)».

Любопытно, что армянский деятель—иерарх Киликийской Армении второй половины XII в., поэт Нерсес Клайский (Клайеци), он же Благодатный (Шнорали), бывший католикосом в 1166—1173 гг., в своем сборнике загадок помещает, в числе прочих, загадку: «рузы.....имеют на тысячу денег (денги) хндуг' (в тексте: хндуз?)», где хндуг', если правильна наша конъектура, обозначает некое «дикое растение, употребляемое в пищу».

Точно так же другой деятель—иерарх той же Киликийской Армении также второй половины XII в., преемник Нерсеса по католикосскому престолу в 1173—1193 гг., Григорий Отрок (Григор Тха) в своей элегии, написанной на взятие Иерусалима Саллаэджином в 1187 г., упоминает «рузов и болгар».

К рубежу XII—XIII вв. относится упоминание «русского языка и письма» в армянском «Златочреве» (Воскеп'орик) по рукописи конгрегации венецианских мхитаристов № 258 (752).

К 1215 г. относится роспись неким русским мастером анийской церкви Багтагеги фресковой живописью, где в одной детали акад. И. А. Орбели усматривает шапку русского великого князя Владимира Мономаха.

В неизвестной русской былине о Бове Королевиче налицо любопытное упоминание приморского «армянского царства», очевидно Киликийской Армении, куда приплывал русский «корабль», прошедший через Царьград, Мраморное и Эгейское моря.

Здесь же, в Киликии, в первой половине XIII в. переведено с греческого на армянский язык Житие св. Бориса и Глеба, включенное в армянский Синаксарь тер-Исраэля, дошедший до нас в редакции до 1251 г., и где имена Бориса и Глеба заменены именами Давид и Роман, в зависимости от чего армянская версия озаглавлена: «История святых и прославленных мучеников христовых Давида и Романа, измученных в стране русов от нечестивого брата,—которые назывались Павришлэп (т. е. Борис и Глеб)».

Талантливый армянский поэт XIII в. Фрик в своем стихотворении «Жалоба», сетуя на мир за то, что бог внес различие между людьми по происхождению (языку), физическим свойствам и социальному положе-

нию, перечисляет разные «языцы», какие только существуют в мире, в том числе и «русов».

«Тот — франк, а этот — латынян,
Тот — венециец, а этот — гонуэц,
Тот — римлянин, а этот — грек,
Тот — русский, а этот — гунн», говорит Фрик.

Переходим к очерку истории возникновения армянских колоний на Руси (с XIII в.), на базе экономических связей армян с Русью.

Насколько это позволяет современное состояние разработки истории русско-армянских (армяно-русских) отношений, можно утверждать, что некоторые товары шелкоткацкого производства могли проникнуть в славянские страны и, в первую очередь, в Поволжье в связи с экспортом с Ю. Кавказа, в частности из Армении, ковровых и шелковых изделий, вообще ткани. К тому же Армения, а не какая-либо иная страна в ближайшем окружении славянского мира, считалась главным поставщиком красной краски, добывавшейся из кошениля или кирмиза (по-армянски «кармир вордан», по-прузински «бужгенди» или «бужгунди»).

Основываясь на материалах, опубликованных В. Лозинским, проф. И. А. Линниченко замечал: «В Южной Руси и Польше до того привыкли видеть армян в исключительной роли торговцев восточными товарами, что целый ряд подобных восточных продуктов носил прямо название «армянского товара».

Арабский путешественник X века Ибн-Фадлан в своем описании путешествия к приволжанам как-то отмечает, что «курта царя их очень большая, вмещающая тысячу душ, усталая в большей части армянскими коврами». А чуваша Поволжья до сих пор называют шелк «ермен курсан(е)» или «елмен курсане», т. е. армянским шелком.

Появление армянских колоний на Украине, в Галиции, в Крыму, на юге России, в Польше и в центральной Европе приурочивается к двум основным моментам потери армянами в средневековой политической самостоятельности: во-первых, ко времени падения североармянского Ширакского или Анийского (Багратидского) царства в 1046/1064 гг. и, во-вторых, ко времени падения южноармянского Киликийского (Рубенидо-Этумидо-Лусинянского) царства в 1375 г.

Касаясь вопроса о происхождении армянских колоний в Польше и Крыму, И. А. Орбели в 1916 г. высказывал мнение, что «изучение польско-армянского наречия», как и знакомство «с наречием крымских армян, дает основание для сомнений в правильности установившегося представления о польских и крымских армянах, как выселенцах из Ани». Находя, что «этот вопрос первостепенной важности для истории Армении после потери самостоятельности в коренной Армении», И. А. Орбели далее замечает, что таковой вопрос «должен быть разрешен конечно не на основании легенд и легендарных записей, а путем анализа археологических

памятников Крыма и Галиции», в частности влияний, «и, прежде всего,— изучением соответственных армянских наречий, наиболее надежного критерия в этом вопросе»; причем разрешение «вопроса о происхождении армянских колоний в Польше и Крыму,—по мнению Орбели,—было бы очень важно для обсуждения пока еще гадательных теорий о некоторых восточных, в частности армянских, влияниях на русское искусство».

Известно, что «первые армянские переселенческие потоки шли по руслу торговых связей, образовавшихся в коренной Армении с различными народами мира», причем армянские купцы выдвинулись «еще в эпоху расцвета арабской торговли». Потоки же эти, пересекавшие Кавказский хребет, направлялись к бассейнам Волги, Дона, Днепра, Днестра и Дуная. «За армянским торговым классом в облюбованных им районах, хорошо знакомых по деловым сношениям, оседал и армянский земледельческий класс», который вносил в новых местах жительства южные культуры: виноградарство, культуру т. н. сорочинского пшена (риса) и пр., как, например, на С. Кавказе, в Крыму и Бессарабии.

Особенно сильна была армянская торговая колония в пределах древнего Болгарского царства, где найдены армянские надписи XIII—XIV вв., числом до 5, описанные впервые по указу Петра I в 1722 г. и переведенные на русский язык армянином Иваном Васильевым. Впоследствии этими надписями занимались М. Сен-Мартен, М. Броссе, И. Н. Березин, С. М. Шпилевский и, наконец, Б. В. Миллер—в специальной статье «Об армянских надписях в Болгарах и Казани» (1925).

«Армянская колония в Болгаро-Казанском крае,—по мнению Миллера,—«преемственно связана» с теми армянами, которые, несомненно, были знакомы хорошо и хазарам в качестве торговых посредников».

В результате же давнишней связи армян с волжским бассейном могли проникнуть в последний и золотые изделия мастерства киликийских армян, на что указывал И. А. Орбели (1944 г.).

В XIII в. армяне основали две колонии близ нынешнего г. Каменец-Подольска, под названием «Армяне» и «Армянки».

Точно так же, в связи с проникновением армян на территорию Крыма, в последнем несколько позднее возникли географические пункты, доселе сохранившие названия «Армянск» и «Армянский базар». Самый же Крым, древняя Таврида, в устах генуэзцев стал называться *Armenia Maritima* (Приморская Армения), где, так же, как и в Галиции и Польше, армяне имели свои магистраты, и им предоставлено было судиться по своим законам.

Не исключена возможность, что в торговых операциях между Севером и Югом принимали участие известные «дельцы» (если можно так выразиться) XII—XIV вв., как Абул-Асан, он же (по мнению С. Т. Еремяна) Амир-К'урд-Арцруни (конец XII в.), парон hОненц (начало XIII в.), парон Умек (середина XIII в.), Саhмадин (вторая половина XIII в.), Саргис сын Арслана и сын его Амир-Саид (середина XIV в.). Из них первый—Абул-Асан—известен как лицо, влиявшее при выдаче гру-

зинской царицы Тамары замуж за Юрия Долгорукого, очевидно, на почве экономических связей Кавказа с Суздальской землей.

По эпиграфическим материалам, собранным венецианским мхитаристом М. Бжишкяном (Мина Медици или Мина Медичи), строительство армян во Львове связано со следующими датами: постройка фонтана в 1264 г., сооружение соборной церкви в 1363 г., с возобновлением таковой в 1509 г. и пристройкой колокольни в 1562 г. По материалам же, собранным французским арменистом Фр. Маклером, первые армянские церкви в Румынии появились: в Ботошане в 1350 г., Яссе в 1395 г., Сучаве в 1512 и 1521 гг., Романах в 1551 г., в Галацах в 1669 г. и пр.

Французский путешественник первой половины XV в. Ланнуа в своих путевых заметках, между прочим, упоминает: «Манкастро или Белгород (= Аккерман), где обитают генуэзцы, валахи и армяне».

С этим указанием вполне гармонируют даты армянских надписей на мраморной плите с изображением двух крестов, вделанных в южную и северную (внутри) стены армянской церкви Успения в Аккермане, от 1436 и 1476 гг.

Ко времени господства генуэзцев в Крыму, ко второй половине XIV в. (1378—1396 гг.), относится вывезенная из Крыма и хранящаяся в Одесском археологическом музее армянская надпись, гласящая о построении фонтана, с изображением поверху надписи герба Генуи, т. е. «Агнца божьего» с победным знаменем и герба дожа Генуэзской республики Антониотто-Адорно.

Множество древнеармянских рукописей сохранило указание, что они переписаны в Крыму, с локализацией к Каффе, Сурхату, Сурбхачу и пр., причем к 1423 г. относится написание рукописей Шаракана, описанного Х. И. Кучук-Иоаннесовым.

К той же эпохе господства генуэзцев в Крыму относится каффское постановление от 6 сентября 1455 г., в котором, между прочим, говорится, что «земля эта в большей части населена армянами, которые наши верные и честные купцы».

К 1512 г. относится резьба двери армянской церкви в Карасубазаре, с армянской надписью того же года.

К 1557 г., по мнению И. А. Орбели, относима надпись Феодосийской церкви, дату каковой надписи Х. И. Кучук-Иоаннесовым (и, в зависимости от него, С. Т. Еремянном) неправильно была прочитана 496=1047 (1027), вместо 1006=1557.

В 1558 г. сооружен фонтан в Феодосии с армянской надписью того же года.

Вообще нужно сказать, что памятники армянской эпиграфики, как строительного, так и мемориального характера, равно как некропольные надписи и эпитафии, во множестве рассеяны на юге России, которые опубликованы в трудах М. Бжишкяна, Тер-Абраамяна, Кушнеряна, Кучук-Иоаннесова, Орбели, Миллера и наших (ранних). Потому, из-за экономии места, на них не останавливаемся.

Что касается Москвы, которая стала притягательной силой армян с

XVI в., то тут армяне появляются не позже XIV в., поскольку в русских летописях под 1390 г. отмечено, что «загоресьа посад за городом от Аврама некоего арменина», в связи с чем акад. М. Н. Тихомиров полагает, что к XV в. в Москве уже была армянская колония.

К сожалению, неизвестно, каким путем попали в Москву и ее окрестности некоторые армянские древности XIII—XV вв., например, серебряный крест с армянской надписью от 1237 г., хранящийся в Загорском музее (б. Троице-Сергиевой лавры), некропольная армянская надпись от 1469 г., хранящаяся в Московском историческом музее, и пр.

* * *

Приведенные сведения, думается нам, в состоянии дать читателю некоторое представление о тех связях, которые издавна существовали между русским и армянским народами, на основе экономических отношений.

Эти сведения, правда, фрагментарны и не дают возможности изложить цельную историю русско-армянских (армяно-русских) экономических и культурных взаимоотношений с древнейших времен до XV в., что входило в нашу задачу, однако полагаем, что и приведенные фрагменты вполне достаточны для вывода, как армяне еще с средних веков тяготели к Руси, ища в ней верную союзницу, а впоследствии и покровительницу, для сохранения своего физического существования и спасения тех культурных ценностей, которые были у них накоплены в течение веков.

Заветный день армянского народа—присоединение Армении к России—настал 125 лет назад, когда т. н. «Армянская область», образовавшаяся из территории двух, до того подвластных Персии, ханств, с центром в Ереване, согласно Туркманчайскому договору, была включена в состав Российской империи.

Этот акт, в осуществлении которого деятельное участие принимал А. С. Грибоедов, явился предпосылкой для дальнейшего, еще большего сближения армян с Россией, вернее с той прогрессивной, революционно-демократической Россией, которая привела народы бывшей Российской империи к Великому Октябрю.

А 33 года назад она же, Россия, уже великая страна Советов, протянула руку бескорыстной помощи истстрадавшемуся от империалистического гнета армянскому народу.

И сегодня, когда Армения, как и все союзные республики, завершив строительство социализма, успешно участвует в построении коммунизма, нам хочется еще раз пожелать, чтобы эта дружба между русским и армянским народами все более и более росла и крепла и еще более способствовала дальнейшему победоносному шествию всех народов: необъятного Советского Союза к их заветной мечте—торжеству коммунизма.